

R. F. KUANG

BABEL

OR

THE NECESSITY OF VIOLENCE

*An Arcane History of the Oxford
Translators' Revolution*

РЕБЕККА КУАНГ

ВАВИЛОН

ИЛИ

НЕОБХОДИМОСТЬ НАСИЛИЯ

*Скрытая история революции
оксфордских переводчиков*

fanzon

МОСКВА
2023

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К88

R. F. Kuang
BABEL: AN ARCANES HISTORY

Copyright © 2022 by R.F. Kuang

Публикуется с разрешения автора и её литературных агентов —
Liza Dawson Associates, США, при участии Агентства Александра
Корженевского, Россия

Cover illustration by Nicolas Delort

Перевод *Наталии Рокачевской*

Дизайн *Елены Куликовой*

Карты *7Narwen*

Fanzon Publishers

An imprint of

Eksmo Publishing House

Куанг, Ребекка.

К88 Вавилон, или Необходимость насилия : сокрытая история революции оксфордских переводчиков / Ребекка Куанг ; [перевод с английского Н. Рокачевской]. — Москва : Эксмо, 2023. — 640 с.

ISBN 978-5-04-180356-8

Вавилон — престижный Королевский институт переводов Оксфордского университета — является мировым центром не только переводов, но и магии. Именно здесь зачаровывают серебряные слитки, позволяющие открыть потерянные при переводе смыслы. Такая уникальная сила наделила Британскую империю невиданной властью, а исследования Вавилона в области переводов и иностранных языков позволили развивать масштабную внешнюю политику.

Робин Свифт потратил многие годы на изучение языков, чтобы поступить в Королевский институт. Учеба в Оксфорде для него — это утопия, наполненная знаниями. Однако познакомившись с тайным обществом «Гермес» и поняв, какой властью обладают эти знания, Робин приходит к выводу, что служение Вавилону означает служение Империи. Теперь он стоит перед выбором...

Но можно ли изменить могущественные институты изнутри без насилия, или революция всегда требует жертв?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Н. Рокачевская, перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-180356-8

Беннету,
воплощению света и радости

*Заметки автора
об исторической Англии и, в частности,
об Оксфордском университете*

Проблема романа об Оксфорде в том, что каждый, кто там учился, будет тщательно изучать текст, чтобы определить, совпадает ли ваше описание Оксфорда с воспоминаниями читателя об этом месте. Совсем плохо, если вы — американский писатель, ведь американцы вообще ничего не знают. Скажу в свою защиту следующее.

«Вавилон» — это художественное произведение, и речь в нем идет о фантастической версии Оксфорда 1830-х годов, чья история изменена серебряных дел мастерами (об этом я расскажу уже очень скоро). И все же я пыталась описывать жизнь викторианского Оксфорда как можно правдивее, в соответствии с историческими летописями, и вводить выдуманные элементы, только когда это необходимо для сюжета. Для описания Оксфорда начала XIX века я полагалась на интереснейшую книгу Джеймса Мура «Исторический справочник и путеводитель по Оксфорду» (1878 г.), а также на «The History of the University of Oxford» под редакцией М. Брока и М. Кертойса, тома VI и VII (1997 и 2000 гг. соответственно).

Для изучения языка и общей картины жизни (например, оксфордского сленга начала XIX века, который сильно отличается от современного оксфордского сленга)¹ я использовала такие источники, как «A History of the Colleges, Halls, and Public Buildings Attached to the University of Oxford, Including the Lives of the Founders» Алекса Чалмерса (1810 г.), «Recollections of Oxford» Дж. Кокса (1868 г.), «Reminiscences: Chiefly of Oriel

¹ Например, живя в Оксфорде, я никогда не слышала, чтобы Хай-стрит называли просто «Хай», однако Дж. Кокс утверждает обратное.

College and the Oxford Movement» (1882 г.) Томаса Мозли и «Reminiscences of Oxford» У. Таквелла (1908 г.). Поскольку художественная литература также может многое рассказать о жизни, по крайней мере о том, какой ее воспринимали современники, я также использовала детали из таких романов, как «The Adventures of Mr. Verdant Green» Катберта Бида (1857 г.), «Том Браун в Оксфорде» Томаса Хьюза (1861 г.) и «Пенденнис» Уильяма Теккерея (1850 г.). Во всем остальном я полагалась на собственные воспоминания и воображение.

Тем, кто знаком с Оксфордом и готов воскликнуть: «Нет, все совсем не так!», объясню некоторые нюансы. Дискуссионное общество Оксфордского университета¹ было создано лишь в 1856 году, так что в этом романе упоминается его предшественник, появившийся в 1823 году. Мое любимое кафе «Кладовые и сад» не существовало до 2003 года, но я провела в нем столько времени (и съела так много сдобных булочек), что не могла лишиться Робина и компанию этого удовольствия. Насколько мне известно, в Оксфорде нет паба «Крученный корень».

На Винчестер-роуд нет магазина «Тейлорз», хотя я очень люблю «Тейлорз» на Хай-стрит. Памятник оксфордским мученикам действительно существует, но его строительство было окончено только в 1843 году, через три года после завершения этого романа. Я немного сдвинула дату возведения памятника ради забавной отсылки. Коронация королевы Виктории состоялась в июне 1838-го, а не 1839 года. Железнодорожная линия Оксфорд — Паддингтон была проложена только в 1844 году, но здесь она построена на несколько лет раньше по двум причинам: во-первых, потому что это имеет смысл, учитывая альтернативную историю; а во-вторых, потому что мне нужно было быстрее доставить моих героев в Лондон.

Я позволила себе много художественных вольностей при описании благотворительного бала, который гораздо больше похож на современный майский благотворительный бал в Оксбридже, чем на викторианское светское мероприятие. Напри-

¹ Студенческое сообщество дебатов в Оксфорде. Является одним из старейших студенческих сообществ Великобритании и одним из самых престижных частных студенческих сообществ в мире.

мер, я знаю, что устрицы были основным продуктом питания викторианской бедноты, но решила сделать их деликатесом из-за моего первого впечатления от майского бала 2019 года в колледже Магдалины в Кембридже — груды устриц со льдом. Я не взяла с собой сумочку и жонглировала телефоном, бокалом шампанского и устрицами в одной руке, в результате чего пролила шампанское на красивые туфли одного пожилого мужчины.

Некоторых читателей может озадачить место размещения Королевского института перевода, также известного как Вавилон. Это потому, что я искажила географию, дабы найти для него место. Представьте зеленый островок между Бодлианской библиотекой, Шелдонским театром и Камерой Рэдклиффа. Увеличьте его и поставьте Вавилон прямо в центре.

Если вы обнаружите другие несоответствия, помните, что эта книга — художественный вымысел.

Часть I

Глава 1

Que siempre la lengua fue compañera del imperio; y de tal manera lo siguió, que juntamente comenzaron, crecieron y florecieron, y después junta fue la caída de entrambos.

Язык был неизменным спутником империи, они зарождались вместе, вместе развивались и процветали, их крушение тоже произошло одновременно.

Антонио де Небриха. Грамматика испанского языка

К тому времени как профессор Ричард Ловелл нашел путь по узким переулкам до нужного адреса, уже слегка выцветшего в его блокноте, в доме остался в живых только мальчик.

Воздух был спертым, а пол — скользким. У кровати стоял наполненный до краев кувшин с водой. Поначалу мальчик слишком боялся, что его вырвет, и не пил, а потом обессилен настолько, что не мог поднять кувшин. Мальчик был еще в сознании, хотя погрузился в туман полузабытья. И он знал, что скоро глубоко уснет и уже не проснется. Неделю назад это случилось с его бабушкой и дедушкой, на следующий день — с тетей и дядей, а еще через день — с англичанкой, мисс Бетти.

Утром скончалась его мать. Он лежал рядом с телом, глядя, как ее кожа синеет и багровеет. Последним она произнесла имя сына — два слога, прошептанные совсем без дыхания. Потом ее лицо стало безжизненным и перекосилось. Язык вывалился изо рта. Мальчик попытался закрыть ее потускневшие глаза, но веки постоянно поднимались обратно.

Когда профессор Ловелл постучал, никто не ответил. Никто не вскрикнул от удивления, когда он пинком вышиб дверь — она была заперта, потому что воры, пользуясь чумой, полностью обчистили соседские дома, и хотя в их доме было мало ценного, мальчик с матерью хотели получить несколько часов покоя, пока их не заберет болезнь. Мальчик услышал шум, но ему было все равно.

К тому времени он уже хотел только умереть.

Профессор Ловелл поднялся по лестнице, пересек комнату и долго стоял около мальчика. Мертвую женщину в кровати он не заметил (или решил не замечать). Мальчик тихо лежал в его тени, гадая, не собирается ли этот высокий бледный человек в черном вырвать его душу.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил профессор Ловелл.

Мальчику было слишком тяжело дышать, и он не смог ответить.

Профессор Ловелл опустился на колени у кровати. Затем вытащил из нагрудного кармана тонкую серебряную пластину и положил на обнаженную грудь мальчика. Тот вздрогнул — металл обжигал как лед.

— *Triacle*, — произнес профессор Ловелл по-французски. И добавил по-английски: — Исцеление.

Пластина засияла бледным белым светом, и непонятно откуда донесся странный звук — не то звон, не то пение. Мальчик взвыл и свернулся калачиком на боку, озадаченно облизывая губы.

— Смирись, — пробормотал профессор Ловелл. — Проглоти этот вкус.

Текли секунды. Дыхание мальчика успокоилось. Он открыл глаза. Теперь он мог лучше рассмотреть профессора Ловелла, его светло-серые, как сланец, глаза и нос с горбинкой — из тех, что называют «ингоуби», то есть орлиный, такие бывают лишь у чужеземцев.

— А сейчас как ты себя чувствуешь? — спросил профессор Ловелл.

Мальчик снова сделал глубокий вдох. А потом ответил на удивительно неплохом английском:

— Сладость... На вкус так сладко...

— Хорошо. Значит, получилось. — Профессор Ловелл спрятав серебряную пластину обратно в карман. — Кто-нибудь еще выжил?

— Нет, — прошептал мальчик. — Только я.

— Ты хотел бы что-нибудь отсюда забрать?

Мальчик некоторое время молчал. На щеку его матери села муха и поползла к носу. Мальчик хотел смахнуть ее, но не нашел сил, чтобы поднять руку.

— Тело я забрать не могу, — сказал профессор Ловелл. — Только не туда, куда мы отправляемся.

Мальчик долго не сводил взгляда с матери.

— Мои книги, — наконец сказал он. — Под кроватью.

Профессор Ловелл нагнулся и вытащил из-под кровати четыре толстых тома. Книги на английском с потрепанными от частого использования корешками, некоторые страницы настолько истерлись, что буквы были уже едва различимы. Профессор пролистал их, невольно заулыбавшись, и положил в сумку. Затем он просунул руки под хрупкое тельце мальчика и вынес его из дома.

В 1829 году болезнь, позже названная азиатской холерой, начала свое путешествие из Калькутты, пересекла Бенгальский залив, сначала оказавшись в Сиаме, затем в Маниле, и, наконец, прибыла на берега Китая на торговых судах, и истощенные моряки с запавшими глазами испражнялись прямо в Жемчужную реку, загрязняя воду, в которой тысячи людей стирали белье, мылись, плавали и пили. Болезнь накрыла Кантон, как приливная волна, быстро распространившись от доков в жилые районы дальше от берега. Квартал, в котором жил мальчик, был заражен в течение нескольких недель, целые семьи погибали в своих домах, не дождавшись помощи. Когда профессор Ловелл вынес мальчика из закоулков Кантона, все остальные на улице уже умерли.

Мальчик узнал все это, когда очнулся в чистой и светлой комнате на английской фактории, накрытый одеялами, мягче и белее которых в жизни не видал. Уже одно это слегка его успокоило. Ему было ужасно жарко, а язык казался плотным и шершавым камнем. Мальчик как будто парил над собственным телом. Всякий раз, когда профессор начинал говорить, в висках мальчика стреляла боль, сопровождающаяся красными вспышками перед глазами.

— Тебе очень повезло, — сказал профессор Ловелл. — Болезнь убивает почти всех, к кому прикасается.